

A romantic book cover featuring a man and a woman. The man, on the left, has dark hair, a beard, and is wearing a black suit with a white shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair, blue eyes, and is wearing a white spaghetti strap top. They are both looking directly at the camera. In the background, there are pink roses on the left and light-colored curtains on the right.

КАТЕРИНА
Коротеева

РАЗВОД ЛОЖЬ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Катерина Коротеева

Развод. Ложь не принимается

«Автор»

2026

Катерина Коротеева

Развод. Ложь не принимается / Катерина Коротеева — «Автор», 2026

– И давно это между вами? – ровным тоном спрашиваю я. – Стелла, послушай, ты всё неправильно поняла – он запнулся, потому что я выгнула бровь и бросила красноречивый взгляд на его руки. Они торопливо застегивали молнию на брюках, а позади него стояла раскрасневшаяся девушка и смотрела в пол, боясь поднять глаза. – Конечно, – фальшиво усмехаюсь, – я так и подумала, что всё неправильно поняла. – Родная – Стоп! – рычу я. – Свои шмотки завтра заберешь, а сегодня, чтобы твоей ноги дома не было! Я разворачиваюсь и дергаю ручку двери. – Ты пожалеешь! Локти ещё кусать будешь! – вдруг в спину зло кричит Боря и добавляет: – И свою дочь я тоже завтра заберу! Поняла? – Из своего, ты только девичью фамилию заберешь, Вагин! *** Я думала, что измена – самое страшное, но муж приготовил сюрприз, к которому я не была готова. Только он не рассчитал одного: ложь я не приму и больно отвечу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Катерина Коротеева

Развод. Ложь не принимается

Глава 1

«Стелл, я сегодня не смогу забрать Нику из садика».

Смотрю на сообщение от мужа и слов не нахожу, а потом тут же набираю.

– Ты издеваешься? – рывкаю я, как только раздается его деловитое «алло». – Я же утром предупредила, что у меня начинается стратегическая сессия! Я сегодня на работе часов до девяти буду!

– А я что могу поделывать? – тихо возмущается он. – Мне только что сказали, что будет собрание!

Я взглянула на наручные часы, время пять вечера. До закрытия садика у меня есть два часа максимум.

– Отлично, блин, – с досадой выдыхаю, – вышел на работу. Молодец.

Еще пять лет назад мы договорились, что в семье работаю я, а муж за ребенком будет присматривать. А прямо сейчас все наши договоренности летят в трубу!

– А что ты предлагаешь? Всю жизнь сидеть на твоей шее? – злится он и громче заявляет: – Я мужик, в конце концов!

– Да неужели? – шиплю я. – А еще ты недоговороспособный! Как я, по-твоему, сейчас должна решить эту проблему?

– Не злись, родная, – смягчается он, перейдя на шепот, – у меня форс-мажор. Ты должна понимать...

Он осекается и замолкает, слушая кого-то на фоне, а потом прокашлялся и холодным тоном в трубку громко говорит:

– Я позвонил предупредить. До вечера, – и отключает вызов.

Он сбросил меня?!

Я смотрю на погасший экран и глазам не верю! Что происходит? Совсем страх потерял? Кто так делает?

– Стелла Романовна, – меня зовет Катя, моя ассистентка, – презентация готова. Она у вас на почте.

– Хорошо. Собирай всех. Через десять минут начинаем.

«Прости. Я потом всё расскажу» – следом прилетает сообщение от мужа.

Я благодарю Катю, она выходит, а я сажусь за стол, открываю файл и одновременно набираю сестру.

– Мариш, привет. Сильно занята?

– Привет, дорогая. Я на работе. А что?

– У нас с Борей форс-мажор, заберешь Нику из садика? – жалобно тяну.

Ненавижу просить, но выхода нет!

– Форс-мажор? У Бори? – удивляется она.

– Сама в шоке, но подробностей не знаю. Ну так что? Ты сможешь?

– Без проблем, Стелл. Через час выезжаю. Ты только воспитательницу предупреди, чтобы мне ребенка отдали.

– Спасибо, моя хорошая, – облегченно выдыхаю, – сейчас ей наберу.

– Стелла Романовна, – в кабинет стучится и заходит финдиректор. – Идем?

– Минуту, пожалуйста, – я вскидываю палец и набираю воспитательницу, быстро объясняю ситуацию, слышу подтверждение, что отдадут дочь сестре, и выхожу из кабинета.

Я и так вся на стрессе, а тут муж со своим форс-мажором!

Какие непредвиденные обстоятельства могут быть у обычного менеджера по продажам автомобилей? Боря же обещал, что график будет стабильным! Что без проблем сможет забирать ребенка из садика! И на больничный сможет, если что! Он брал декретный отпуск на работе и сидел дома с ребенком. Когда дочке исполнилось три, встал вопрос о выходе на работу. Я была против, потому что могла обеспечить нашу семью, но Боря в капризах извивался, мол, он деградирует, и ему срочно нужно возвращаться в автосалон. Обещал, что ребенок также остается на нём, так и было два года, а сегодня что за фокусы?

Я очень надеюсь, что причина уважительная, а если нет, то пусть на себя пеняет!

На собрании нахожусь до восьми, слушая подготовленные доклады отделов. Мы обсуждаем стратегию продвижения новой линейки селективной косметики, мой отдел маркетинга демонстрирует разработанные этикетки, названия, слоганы для будущей рекламной кампании. От собственников прилетают дополнительные задачи, я их послушно записываю и отвечаю на вопросы.

Первый день стратегической сессии всегда нервный. Приходится выслушивать массу критики и работать с возражениями, объяснять, почему именно так, а не иначе нужно написать на этикетке. В очередной раз доказывать, что я не просто так сижу на месте директора отдела маркетинга федеральной сети косметики и парфюмерии.

К концу собрания жутко болит голова, но виду я не подаю. Достоинно завершаю, прощаюсь до завтра и выхожу из конференц-зала.

Звоню мужу, но абонент недоступен.

– Отлично! – устало выдыхаю я и звоню сестре.

Нику она забрала, поэтому еду к ней, забираю дочку, и мы едем домой.

Спустя час домой возвращается Борис.

Нормально он так задержался, меня превзошел.

Я выхожу в коридор, чтобы выяснить, в чём дело.

– Нам нужна няня, – с порога радостно заявляет он и быстро добавляет: – Не волнуйся, любимая, я решу этот вопрос. Обещал же. Мне уже порекомендовали одну.

Его заявление настолько шокирует меня, что я теряюсь в водовороте вопросов, не зная, какой задать первым.

А вот муж не теряется, а нагло пользуется случаем и подходит, крепко обнимает и целует в шею. Так, как я люблю. Я тут же таю, вся злость на него мгновенно испаряется.

Вот как ему это удастся?

– Меня сегодня повысили, – шепчет он. – Теперь я руководитель отдела продаж!

Я чуть отстраняюсь и в шоке смотрю на него.

Он ослепительно улыбается, в глазах неподдельная радость. А потом он становится серьезным и прислоняется лбом к моему лбу.

– Прости меня, что подвел. Этого больше никогда не повторится, – хрипло говорит он, целует меня, крепко держит в руках, и мне передается его настрой. По телу словно ток проходит. – Я всё сделаю. Всё решу.

И его слова звучат, словно бальзам. Именно это я и хотела от него услышать.

– Разберемся, – смягчаюсь я. – И поздравляю с повышением. Ты заслужил.

Знаю, что он давно мечтал о карьерном росте, и вот сегодня это случилось, а я настолько устала, что откладываю все возражения на потом.

Мы с ним обязательно поговорим и всё решим. Позже. Мы всегда находили выход, и в этот раз найдем.

А сейчас мне необходимы его объятия и поцелуи. Его нежные прикосновения, его запах и страсть. Всё это действует лучше обезболивающих, о которых я думала несколько минут назад.

Знала бы я, что за этим повышением в карьере мужа последует, не стала бы за него радоваться, как правильная жена. И постель тоже делить не стала бы.

И вообще... Боже, как всё сложно!

Глава 2

Утром я чувствую на щеке легкий поцелуй, а потом Боря выбирается из постели и, надев домашние штаны, идет будить дочь.

Каждое утро он сам ее будит и отправляет чистить зубы.

Затем передо мной она выделяется, пока мы подбираем одежду: то платье не такое, то колготки. Та еще модница растет, абы что не наденет. Но с этой задачей мы так или иначе справляемся. Потом причесываемся и идем на кухню, где я готовлю быстрый завтрак мужу, дочь любит есть в группе с остальными, а потом он забирает Нику и везет в сад, а я спокойно собираюсь и еду на работу.

Сегодня Боря принарядился, обычно темные джинсы с рубашкой надевал, а сегодня при полном параде.

– Выглядишь, как гендиректор, – с улыбкой говорю и ставлю перед ним овсяную кашу с черникой.

– Первый рабочий день в новом статусе, – хмыкает он, взяв ложку. – Кстати, вечером придет няня. Я ей звонил, пока собирался. Нужно на нее посмотреть, ввести в курс дела и с Никушей познакомить.

– Какой ты... быстрый, – хмурюсь я и тоже беру ложку.

– Нет, а чего тянуть? Ты занята, я теперь тоже, должен же кто-то ребенком заниматься.

– Не нравится мне идея с няней, – признаюсь я. – Это всё-таки чужой человек.

– А какие у нас варианты? Да и нужен-то нам всего-навсего человек на подхвате, из садика забрать и часик посидеть, пока мы не вернемся.

– То есть, ты хочешь сказать, что теперь будешь задерживаться?

– Не то чтобы всегда, но часто. Ты же задерживаешься.

Хочется немного остудить его пыл и сказать, что он путает уровень ответственности директора федеральной сетки и руководителя продаж одного филиала, но в последний момент прикусываю язык.

Не хочу портить ему настроение.

– Сегодня я сам заберу Нику, – вставая из-за стола, добавляет он.

Я провожаю вдохновленного мужа и капризную дочь, и через полчаса выезжаю на работу. Сегодня стратегия назначена на одиннадцать дня, и я надеюсь, что нам хватит времени до вечера.

– Добрый вечер, Наталья Викторовна, – муж приветствует женщину лет пятидесяти и пускает внутрь.

Одета она просто, но со вкусом.

Она улыбается ему, затем смотрит на меня и здоровается. А потом мельком осматривает дом, и я вижу восторг в глазах госты.

Понимаю. Мне тоже нравится.

Мы его купили год назад. Меня тогда повысили до директора, и я решила, что пора нам продавать двушку, которую мне подарили родители, и покупать дом. Я давно об этом мечтала.

Боре, как человеку, который всю жизнь прожил в частном доме, его родители живут в области, идея о собственном доме не очень понравилась. Ему больше нравились квартиры, потому что не нужно зимой махать лопатой, чтобы расчистить дорожки от снега, или поливать огород и косить траву летом. Но выбора я ему не оставила, жили-то мы в моей квартире, а мне хотелось перемен.

Вот и купили небольшой двухэтажный дом на десяти сотках. Я уже год на него наradoваться не могу.

Предполагаемая няня зашла в гостиную и присела на диван.

По общению она мне понравилась, грамотная женщина с педагогическим образованием и приличным опытом работы с дошкольниками. То, что нам требовалась няня на подхвате, как это озвучил муж, ее вполне устроило. Казалось, что она была готова принять любые условия.

Дополнительных вопросов она не задавала. С дочкой познакомилась, и Нике она, вроде бы, понравилась.

Пока наблюдала за тем, как они на ковре собирают кубики, внутри царапнула тревога.

Не так я себе представляла наше будущее. Я думала, что мы с мужем будем сами воспитывать дочку, без привлечений людей со стороны.

Боря наоборот был доволен собой, что сумел быстро решить вопрос с няней и снять с себя часть обязательств. Мы с Натальей Викторовной обменялись контактами и договорились, что с понедельника будем на связи. К счастью, сегодня пятница и впереди выходные.

– Завтра я работаю до пяти, – сообщает муж за ужином. – Еще не принял все дела от предыдущего руководителя.

– А его уволили, или он сам ушел?

– Его повысили, а он предложил меня на свое место, – довольно хмыкает Боря. – Поэтому меня позвали на собрание.

– Понятно, – вздыхаю я. В нашем мире только связи и толкают вперед.

Мне, например, семь лет назад папа помог устроиться в «Аврору». Начинала с помощника маркетолога, практику там на пятом курсе проходила и диплом по проекту защищала, а потом меня пригласили туда на полную ставку. Вот я там корни и пустила, но меня согласились взять на практику с папиной подачи, а дальше я сама росла.

Ника потеряла глазки и зевнула.

Я взяла ее на руки и отнесла в детскую. Уложила дочь под одеяло, а сама легла рядом. Она достала руку и попросила пощекотать.

Маленькая моя щекотуха.

– Как тебе Наталья Викторовна? Понравилась? – поглаживая маленькую ручку, спрашиваю я.

– На Любовь Сергеевну чем-то похожа.

Я киваю, думаю, что она права. Няня похожа на воспитательницу в садике, может и нет ничего плохого в том, что она будет на подхвате?

– Как твоя подружка Соня поживает? – уточняю я, чтобы сменить тему.

Ника всё чаще начала рассказывать о девочке по имени Соня. Уже месяца три она у нее с языка не сходит.

– Сегодня ее не было, – пожимает плечами.

– Может, заболела? – предполагаю я.

Ника ничего не отвечает и засыпает. Я осторожно выключаю ночник и выхожу из детской. Крадусь по коридору и слышу вибрирующий голос мужа из спальни.

Разговаривает с кем-то?

В спальне тихо работает телевизор, идет какой-то фильм.

Захожу, а он лежит на кровати и поворачивает голову и быстро прикрывает одеялом бедра, будто я застала его врасплох, и откидывает в сторону телефон.

Поведение, мягко говоря, странное.

– Чем ты тут занимался? – недоуменно спрашиваю.

– Как это «чем»? – Боря быстро приходит в себя и хитро щурится. – Тебя ждал, разумеется. Иди сюда.

Глава 3

Мама Бори уже месяц просит, чтобы мы в гости приехали. Я откладывала поездку как могла, но тянуть было уже некуда. Поэтому утром собираемся и едем к ним в гости.

Мы паркуемся у добротного, но давно не крашеного дома. Ника уже тянет ручку двери, хотя Боря ещё даже не заглушил двигатель.

– Бабушка! Дедушка! – кричит она и вылетает из машины, едва я открываю дверь.

Боря неспешно выходит, поправляет рубашку, окидывает взглядом покосившийся забор и тихо вздыхает.

– Стелл, не волнуйся. Мы ненадолго, – говорит он, будто оправдываясь.

Я не отвечаю. Мы шесть лет в браке, и каждый раз начинается одно и то же.

На крыльце появляется Ирина Петровна – круглолицая, в цветастом переднике, руки в муке. Она вытирает их о фартук и расплывается в улыбке.

– Приехали! А я пирожков напекла. Никушка, иди к бабушке, иди родная!

Ника бросается в её объятия. Ирина Петровна тискает внучку, гладит по волосам.

– Ну вылитая наша порода! – громко объявляет она. – Глаза-то Вагинские, и нос тоже.

Я молчу. Боря подходит сзади, кладёт руку мне на плечо, сжимает – не больно, но ощущаю.

– Мам, давай сначала в дом зайдём, – говорит он.

– А что на улице не обняться? – вступает вышедший следом Иван Васильевич. Он в телогрейке, хотя сентябрь тёплый. Здравается со мной за руку, сухо и вежливо. – Проходите, проходите, стол накрыт.

– Пап, мы не голодные, – пытается отбиться Боря.

– Не голодные, а пирожок съедите. Я для кого пекла?

Мы заходим в дом. Пахнет дрожжами, тушёной капустой и старым деревом. В большой комнате, которую здесь называют «зала», уже сидят братья. Петя – старший, с тяжёлыми руками и лицом, обветренным на стройке. Вася – средний, помельче, с лукавыми глазами, работает в райцентре водителем. Им уже далеко за тридцать, оба не женаты.

– О, начальник пожаловал, – ухмыляется Вася. – На мерседесе прикатил.

– У меня не мерседес, – устало поправляет Боря.

– А чё там у тебя? – интересуется Петя. – Иномарка же?

– Обычный внедорожник, – коротко бросает Боря и садится на лавку.

Ага, обычный. Я ему эту машину и подарила.

Так, всё. Спокойно, Стелла. Дыши.

Мы с Никой располагаемся рядом с Борей. Ника сразу тянется к вазе с конфетами.

– А можно? – спрашивает она.

– Конечно можно, – улыбается Ирина Петровна. – Для кого ж ещё? Ешь, внученька, ешь, наша Вагина.

Я мягко поправляю:

– Исаева.

На секунду повисает тишина. Ирина Петровна переглядывается с мужем, потом отмахивается пухлой рукой:

– Ой, понапридумываете, кто ж от корней отказывается?

– Мам, – подаёт голос Боря.

– Что «мам»? – Ирина Петровна повышает голос, но тут же спохватывается, оглядывается на Нику. Та уже жуёт ириску и не следит за разговором. – Я правду говорю. Вагина она, наша кровь. Ты на неё посмотри – она же на меня похожа, как я в детстве. Копия просто!

– И правда, – поддакивает Иван Васильевич, глядя на Нику с умилением. – Вагинская порода.

– Сейчас я даже альбом найду, – оживляется свекровь и, кряхтя, поднимается. – Покажу тебе, Стеллочка, какая я была в её возрасте. Увидишь – сама скажешь.

– Ирина Петровна, – начинаю я очень спокойно, но Боря перебивает, наклоняясь к моему уху:

– Не слушай их, всё нормально. Покажет и успокоится.

Каждый раз, когда приезжаем, одно и то же. Как надоело!

Я смотрю на него в упор. Он отводит взгляд.

– Я буду пирожки, – говорит он уже громче. – Мам, давай чай пить?

– Сейчас, сейчас, – доносится из другой комнаты голос Ирины Петровны. – Ах ты, нашла!

Она возвращается с огромным альбомом в выплывшем переплёте. Тяжёлым, как бревно. Садится рядом со мной и открывает на первой странице.

– Вот, смотри. Я в пять лет. Глаза? Те же. Нос? Тот же. Волосы? Русые. Никуша – моя копия, а не чья там.

Она выразительно смотрит на меня. Боря за столом мнёт салфетку.

– Ну и что такого? – наконец выдыхает он. – Ну похожа. У неё и мои уши, и моя...

– А фамилия чья? – перебивает Петя.

– А фамилия твоя была, – подхватывает Вася. – Была, да сплыла.

– Хватит, – резко говорит Боря.

– А что хватит? – вскидывается Ирина Петровна. – Мы молчали, молчали, когда ты фамилию отцовскую на её менял. Мы думали, может, пройдёт, образумишься. А ты детей так записал. Не стыдно? Что люди-то скажут?

– Ника не «дети», она – ребёнок. Один. Вернее, одна. И она девочка.

– И то хорошо, – хмыкает Иван Васильевич. – Была бы пацаном, мы бы не согласились. Вагинский род прерывать нельзя. А вносились с этими... Исаевыми.

Он произносит мою фамилию с таким отвращением, будто целый лимон в рот взял.

Внутри медленно всё закипает. Беру кружку с чаем, отпиваю.

– Иван Васильевич, – говорю я, ставя кружку. – А ваша фамилия была всегда Вагины?

– А то! – гордо отвечает он. – И отец мой, и дед. Из этого села не вылазили.

– И вы ни разу не хотели её поменять? – спрашиваю ровно.

– Зачем? – удивляется он. – Это наша фамилия. Наши корни.

– Я тоже про корни, – киваю я. – У моих родителей есть я и моя сестра. По идее, на нас род Исаевых мог закончиться, вот мы его немного и продлили. Что в этом плохого?

– Как это «что»? – возмущается свёкр. – А кто будет наш род продолжать?

– Петя и Вася, например, – я стреляю взглядом в братьев.

Тишина становится густой.

Боря замирает.

– Стелла... – говорит он тихо, почти умоляюще.

– Что Стелла? – перебивает его мать. – Три сына – три корня, так положено, но ты добровольно от нас оторвался.

– Да ладно, мам, – неожиданно подаёт голос Вася. – У них всё равно девчонка родилась, вырастет и станет какой-нибудь Ивановой.

Петя фыркает. Ирина Петровна багровеет.

– А если пацан будет следующим? И потом ещё один. И ещё?

С каждым ее «ещё» мои глаза становятся всё шире и шире.

Куда столько? Мне бы с одной справиться.

Я им что? Инкубатор по производству детей?

– Мам, мы сами так решили, – тихо говорит Боря. – Мы семья, если жена не захотела становиться Вагиной, я принял это, понимаешь?

– И фамилию ее взял!

– Ну а как иначе? Одна семья – одна фамилия. Это наше решение.

– Так передумайте и сделайте по нормальному! – голос Ирины Петровны становится тонким, как леска. – Как ты думаешь, каково нам, когда спрашивают: «А почему у внучки фамилия не ваша?» Что мы говорить должны?

– Скажите, что она от матери, – отвечаю я за Борю. – Это правда.

Свекровь сжимает губы так, что они становятся белыми.

Ника, почувствовав напряжение, поднимает голову от альбома.

– Бабушка, а почему ты сердитая?

– Не сердитая я, внученька, – Ирина Петровна моментально переключается, улыбается через силу. – Это я так... разволновалась.

– Почему? Пирожки сгорели? – серьёзно спрашивает Ника.

Все замирают. А потом Вася начинает смеяться – громко, взхлёб, хлопая себя по коленке.

– Вот это наша порода! – говорит он. – Не Вагина, но вопросы правильные задаёт!

Петя хмыкает. Даже Иван Васильевич чуть смягчается.

Боря смотрит на меня с благодарностью, но я отворачиваюсь.

Я всё ещё зла. Не на них – на него.

Он мог бы это всё прекратить шесть лет назад, когда взял мою фамилию, и закрыть тему раз и навсегда. Но он не прекратил. Он просто сделал вид, что всё нормально. И теперь мы каждый раз приезжаем в этот дом, где я – чужая, Ника – «наша Вагина», а он – трус, который боится поставить мать на место. Знает же, что мне неприятны эти разговоры!

– Пирожки, наверное, остывают, – встаю я. – Я помогу.

– Сиди, сиди, – встречается Ирина Петровна. – Сама управлюсь. Нечего тебе на кухне делать. Ты у нас городская, начальница.

Она уходит, оставив за собой шлейф запаха пирогов и обиды.

Я снова сажусь. Боря рядом неловко перебирает пальцы.

– Спасибо, что не устроила скандал, – шепчет он.

– Я никогда не устраиваю скандалы, – также тихо отвечаю я. – Я просто констатирую факты.

Ника тычет пальцем в альбом.

– Мама, смотри, тут бабушка такая маленькая! И совсем как я!

– Да, – говорю я, глядя на чёрно-белую фотографию, где стоит смешная девочка с косичками. – Как ты.

Но про себя думаю: «И ничего ты не Вагина. Ты – Исаева. И я тоже».

Помню, когда мы только познакомились, я прочитала его фамилию на бейджике, и мне она показалась нормальной. Он уже тогда в автосалоне стажировался, а мы с папой приехали за машиной, он хотел себе что-то новенькое присмотреть. Вот мы и познакомились. Начали встречаться, а когда я примерила его фамилию на себя, меня холодный пот прошиб. Я же хотела забраться как можно выше по карьере, и дверь с табличкой представила, а там... ВАГИНА СТЕЛЛА РОМАНОВНА.

Нет, ну что это за безобразие, простите? И каждого, у кого я буду видеть усмешку, я буду поправлять и объяснять, что ударение на первый слог? Извините, но я к этому не готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.